

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.018

УДК 82.161.1-95

ББК 83.3(2=411.2)52

**В.В. ЗВЕРЕВ «НОВЫЕ ЛЮДИ» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО  
И «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДПОЛЬЯ»  
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОТИВОСТОЯНИЕ  
УТОПИИ И ПОЧВЫ**

**V.V. ZVEREV «NEW PEOPLE» BY N.G. CHERNYSHEVSKY AND  
«MAN FROM UNDERGROUND» BY F.M. DOSTOEVSKY:  
THE CONFRONTATION OF UTOPIA AND SOIL**

**В** статье рассматривается скрытая полемика между авторами двух знаковых произведений отечественной литературы — романа «Что делать?» и повести «Записки из подполья». В этих сочинениях Н.Г. Чернышевский и Ф.М. Достоевский во многом выразили квинтэссенцию собственных представлений об обществе и человеке. Чернышевский создал утопию, в которой сочеталась критика буржуазного социума с идеальным будущим мироустройством, где человек будет свободен в своих решениях и поступках. Если первый аспект был выражен объемно, реалистично и содержательно, то созданный вариант альтернативного социального обновления, опиравшийся на теорию разумного эгоизма, предполагал эволюционное изменение человека с целью постепенной трансформации современности. В критике романа «Что делать?» Достоевский основной упор сделал на ошибочности представлений Чернышевского о сущности человека и его предназначении, на безоглядном увлечении умозрительными философскими концепциями и забвении морально-этических норм, которые определяли существование человеческого рода в прошлом и должны оставаться неизменными в будущем.

The article examines the hidden controversy between the authors of two iconic works of Russian literature — the novel «What to do?» and the story «Notes from the underground». In these works N.G. Chernyshevsky and F.M. Dostoevsky expressed in many ways the quintessence of their own ideas about society and a man. Chernyshevsky created the utopia that combined criticism of bourgeois society with an ideal future world order, where a person would be free in his decisions and actions. If the first aspect was expressed in a voluminous, realistic and meaningful way, then the created variant of alternative social renewal, based on the theory of reasonable egoism, assumed an evolutionary change of a person with the aim of gradual transformation of modernity. In the criticism of the novel «What to do?» Dostoevsky put the main emphasis on the fallacy of Chernyshevsky's ideas about the essence of a man and his destiny, on reckless fascination with speculative philosophical concepts and oblivion of moral and ethical norms that determined the existence of the human race in the past and should remain unshakable in the future.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, прогресс, «новые люди», «человек из подполья», столкновение утопии и консерватизма, идеал будущего и современность.

**KEY WORDS:** N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, progress, «new people», «a man from the underground», the clash of utopia and conservatism, the ideal of the future and modernity.

**ВВЕДЕНИЕ.** Дискуссия всегда представляет собой столкновение. Прямое, непосредственное или косвенное. Однако традиционное утверждение, что «в споре рождается ис-

тина», напроць опровергается практикой, как, впрочем, и другое и не менее распространенное мнение об истине, которая якобы лежит посередине. Такого не бывает. Примирить разные, а уж тем более диаметрально противоположные взгляды, невозможно. Эклектичная попытка взять лучшее из каждой точки зрения и механически их соединить ни к чему хорошему привести не может. В спорах только обостряется аргументация, утяжеляются доказательства, зачастую возрастают неприятие и нетерпимость в отстаивании субъективно понимаемой истины. А в отношении того, что она лежит посередине, необходимо согласиться с мнением мудрого И.В. Гете — между несходными подходами лежит проблема.

**ЦЕЛЬ.** Сопоставление идей, прозвучавших со страниц романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, в первую очередь продиктовано стремлением проанализировать существовавшие в начале 1860-х гг. общественных настроений, различных проектов (в том числе и утопических) будущего развития страны, роли отечественной интеллигенции в преобразовательном процессе, соотношения революционных и реформационных намерений, свойственных пореформенной эпохе.

**МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Творческое наследие Чернышевского и Достоевского предоставляет в этом отношении наиболее яркий и показательный материал как выражение противоположенных точек зрения. Однако решение поставленной задачи связано с преодолением существующих стереотипов оценок, уже ставших настолько традиционными, что они крайне редко вызывают сомнения и возражения. В первую очередь это относится к взглядам Чернышевского, имя которого еще с давних времен прочно ассоциировалось с образом непреклонного революционера, убежденного борца с царским режимом. В связи с этим нам представляется необходимым первоначально обратиться к достаточно эскизному изложению основных положений его мировоззрения.

**РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.** Краеугольным камнем понимания Чернышевским развития человека и человеческого общества стала его глубокая убежденность в последовательно прогрессивном развитии, в основе которого лежат как природно-климатические особенности отдельных территорий, так и антропологический характер эволюции. Наряду с определяющим влиянием на человека окружающей среды последний и сам обладает врожденной любознательностью и стремлением к улучшению своей жизни. Они — «первые две из основных сил, производящих прогресс». Побудительным мотивом к любого рода деятельности служит «личный интерес» человека, забота о собственной пользе, удовольствии, благе, в основе которых, по мысли Чернышевского, «лежит чувство, называемое эгоизмом» [8, т.Х, с. 920; т.V, с. 620; т.VII, с. 283].

Но человек не может существовать в окружающем его мире в одиночку. И заботясь об удовлетворении своих потребностей, он одновременно должен заботиться об установлении и поддержании отношений с другими индивидуумами. Средством, объединяющих людей в сообщество, становится труд, направленный на преобразование природы и удовлетворение разумных потребностей каждого члена общества.

Поскольку главным в жизни человека Чернышевский считал труд, то первостепенным фактором, обеспечивающим поступательное движение общества, для него становились усовершенствование техники производства и направленности трудовой деятельности. По мере улучшения орудий труда улучшается и качество произведенных продуктов, повышается «квалификация производителя, качества работника, исполняющего эти операции». Таким образом, производительный труд в определении прогресса человеческого общества становился базовой категорией, действующей «на человека с необходимостью физических законов» [8, т. IX, с. 219, 338.].

Вместе с тем, не только обеспечение физиологического существования людей влияет на общественное развитие. Отмеченный Чернышевским природный эгоизм человека руководит всеми его поступками, побуждает все соизмерять расчетом, «...велящим отказываться

от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия» [8, т.VII, С. 285]. И даже общество, достигшее высокой степени в технологии производства, неминуемо столкнется с проблемой баланса интересов его членов.

Материальные потребности и собственный интерес индивидуума должны быть соотнесены с более общими понятиями. «Общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного», — так Чернышевский расставлял общественные приоритеты [т.VII, с. 286]. Именно на этой идее он основывал собственную теорию разумного эгоизма, которая должна была определять существование человечества.

В целом определение субъекта прогресса Чернышевским опиралось на материалистические идеи Фейербаха. Антропологический принцип достаточно сильно выражен в его философских взглядах. Но одновременно с этим, существенное влияние на понимание Чернышевским механизма функционирования общественной эволюции оказало и наследие французских просветителей, рассматривавших интересы общества как общие и постоянные для всех его членов интенции<sup>1</sup>. В не меньшей степени это влияние ощущается и во взглядах Чернышевского на основные факторы прогресса, этапы эволюции общества, способы социальных преобразований, характер взаимоотношений личности и масс в истории.

Соединение материалистического понимания основ существования человека с идеалистической категорией добра подталкивало к поискам универсального средства, способного примирить два разнохарактерных вектора прогресса. У Чернышевского это средство — сила разума; «прогресс основывается на умственном развитии; коренная сторона его прямо и состоит в успехах и развитии знаний». Наука тем самым становилась высшим выражением поступательного движения к более совершенному общественному устройству. Логика рассуждений Чернышевского была достаточно проста: накопление и распространение знаний одновременно определяют как степень технического оснащения производства, так и интеллектуально-моральный облик людей. «Стало быть, — писал Чернышевский, — основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространения знаний. Вот что такое прогресс — результат знаний» [8, т.VII, с. 645].

В приведенной цитате легко читается главная идея эпохи Просвещения — непоколебимая вера в то, что чем выше образованность людей, тем совершеннее общество, тем гуманнее отношение между его членами. Собственно, иллюзорные надежды на всецелое разума, науки, образования и определяли в течение всего XIX в. интеллектуальные поиски многих мыслителей. Чернышевский в их ряду не был исключением. Идеи эпохи Просвещения привлекали его своим обоснованием непрерывности развития цивилизации, эволюционного и постепенного движения на основе накопления и распространения знаний. Как прекрасно показал В.Ф. Антонов, у Чернышевского «прогресс — просто закон нарастания». Его суть состоит в том, что каждая историческая эпоха оставляет наследие, с помощью которого можно или повторить в новых условиях аналогичный процесс, или, опираясь на накопленный опыт, «...начать новый процесс высшего порядка» [1, с. 31].

Прямым следствием рационально-эволюционного подхода были и представления Чернышевского о пульсирующем характере социального развития. Реализация прогрессивных начал на практике не была однозначно поступательной. В истории случались и попятные движения, и периоды застоя. Новые идеи медленно преодолевали сопротивление старого. Их воздействие на общественное сознание было наиболее плодотворным в краткие периоды «усиленной работы», когда «общество полгода, год, много — три или четыре года, работа-

1 Особенно сильным было влияние на Чернышевского Ж.Ж. Руссо. Произведения великого просветителя требовались ему для работы в тюрьме, их он взял с собой на каторгу. Духовную близость идей Руссо признавал и сам Чернышевский [8, т.XV, с. 360]. Подробнее См.: работу И. Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма». [6, с. 39, 195].

ло над исполнением хотя некоторых из тех немногих желаний, которые проникли в него от лучших людей». Но такая вспышка активности была кратковременной. Вслед за ней наступало дремотное время застоя, когда вырабатывались новые идеи, подготавливалась почва для очередного «благородного порыва» [8, т.VI, с. 12].

Как считал Чернышевский, постоянное чередование периодов ускоренного движения и временных остановок определяло «общий вид истории», характеризовало динамику общественных изменений. Качественный прорыв возможен лишь на основе длительной подготовительной работы, когда полностью исчерпывается прогрессивный потенциал высказанных ранее идей. Новый всплеск активности может быть связан только с заменой их более совершенными знаниями. Хотя «минуты творчества непродолжительны и влекут за собой временный упадок сил» [8, т.VI, с. 13], они определяют будущее. В этом и заключается функционирование закона «нарастания», постепенного накопления интеллектуального богатства цивилизации и рационального его использования. Убежденность в эволюционной преемственности этапов развития общества приводила Чернышевского и к другому, не менее важному выводу. Каждый новый скачок непосредственно связан с деятельностью нового поколения людей. Приобретая в ранней юности необходимые знания, молодежь одновременно с этим формирует собственное мировоззрение, которое качественно отличается от взглядов их отцов. Достигнув зрелости, именно эта генерация людей будет определять характер и направленность преобразований. Временные отрезки в «пятнадцать или шестнадцать лет» образуют периоды смены идей в истории [1, с. 34–35]. Тем самым социальный прогресс в очередной раз связывается с природной закономерностью существования человека. Правда, теперь это — не климатическое и не географическое влияние окружающей среды, а физиологические пределы существования представителей биологического вида.

Но Чернышевский проводил четкую грань между медленной эволюцией природы и сложной динамикой развития человеческого общества. Для этого он пытался совместить количественный фактор прогресса с параметрами качественных изменений и на их основе определить целевую направленность поступательного движения. Поскольку нарастание научных знаний и их распространение связано со сменой поколений, осуществляющих преемственность исторического процесса, то естественным выводом становилось утверждение об увеличении общей суммы полезных и необходимых сведений, а также — об освоении их более значительным количеством людей. Однако просветительская идея накопления и распространения знаний еще не давала видения общей перспективы социальной эволюции. И Чернышевский обращался к наиболее общим законам развития природы и общества, открытыми Г. Гегелем и Ф. Шеллингом.

Чернышевский не во всем разделял их убеждения<sup>2</sup>. Но открытие универсальной закономерности, согласно которой «высшая ступень развития по форме совпадает с совершенной неразвитостью, существенно отличаясь от него содержанием», представлялось ему гигантским шагом в постижении всех без исключения явлений «материального и нравственного,

2 В этом отношении весьма характерна оценка, которая давалась Чернышевским философии Гегеля, оказавшей, по его мнению, самое непосредственное влияние на эволюцию мировоззрения российской интеллигенции в 30–40-е гг. XIX в. Знакомство с его универсальной системой послужило «...переходом от бесплодных схоластических умствований, граничащих с апатией [и невежеством], к простому и светлому взгляду на литературу и жизнь»; «...гегелева философия вселила в своих русских последователей глубокое сознание, что действительность достойна внимательнейшего изучения, потому что истина достигается только строгим, всесторонним исследованием действительности, а не произвольными умствованиями или сладкими мечтами». Сам Чернышевский восхищался изумительно сильной диалектикой «исполина немецкой философии», которая казалась облекала « всю его систему броней неразрушимого...единства». Вместе с тем «...погрешности в ее выводах, несогласие принципов с ее результатами, основных идей с применениями, ...односторонность принципов...» вызвали критическое отношение как в Европе, так и в России. Причем развитие «последовательных воззрений из двусмысленных и лишенных всякого применения намеков Гегеля совершилось у нас отчасти влиянием немецких мыслителей, явившихся после Гегеля, отчасти — мы с гордостью можем сказать это — собственными силами. Тут в первый раз русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки» [8, т.III, с. 209, 825, 218, 206].

индивидуального и общественного бытия» [8, т. II, с. 295; т. V, с. 373]. В ней он находил ответ на вопрос о взаимосвязи закона «нарастания» с цикличностью мировой истории.

Согласно интерпретации Чернышевского, логическая схема немецких философов позволяла с полным основанием утверждать, что начальная форма, проходя через противоречия усиленного развития последующего этапа, реализует затем заложенные в ней прогрессивные начала, но уже на более высокой ступени. Тем самым прямое заимствование идеи постоянных изменений и превращений мира позволяла преобразовать культурную преемственность поколений в понятие спирального развития, которое, однако, по-прежнему опиралось на веру в то, что прогресс определяется накоплением и распространением знаний. Концепция Чернышевского приобретала, казалось бы, завершённый универсальный характер.

Процесс эволюции человеческого общества обусловлен постепенным просвещением людей, рациональным постижением мира и целенаправленным использованием научных знаний. Каждое новое поколение вносит свой вклад в продвижение к справедливому социальному устройству, увеличивая как массу полезных открытий, так и количество образованных членов общества. С формальной точки зрения преемственность между различными генерациями осуществлялась не линейно, а путем диалектического отрицания предыдущего этапа. Отталкиваясь от первоначального неразвитого состояния общества, человечество проходило стадию ускоренного развития, чтобы затем возвратиться к своим истокам на новом витке цивилизации. Но в действительности теория прогресса была лишена целостности. Эклектичное соединение разнохарактерных идей эпохи Просвещения и немецкой философии свидетельствовало о «глубоком идеализме истового материалиста» [6, с. 33], пытавшегося дополнить объективные основы существования человека субъективными элементами его деятельности и на их основе сконструировать универсальные закон социальной эволюции.

Для Чернышевского прогресс общества определяется разумной необходимостью объективного бытия: «что является, то является по необходимости; что исчезает, то исчезает по необходимости; если в известное время еще нет известного явления, значит, оно еще невозможно; если в известное время уже нет известного явления, значит оно уже стало невозможно» [8, т. X, с. 444].

По его глубокому убеждению высшей фазой развития человеческого общества обязан был стать социализм, идея «о союзе и братстве между людьми», впервые высказанная в утопических учениях Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье [т. V, с. 578; 8, т. VII, с. 18; т. IV, с. 729].

Чернышевскому казалось, что, сочетание объективного элемента трудовой деятельности с разумным устройством хозяйственных и распределительных отношений позволяет утопическому социализму приобрести необходимые характеристики закономерного результата общественного развития, высшей ступени социальной эволюции. Тем самым прогресс приобретал целевую направленность в восхождении от первоначальной неразвитой формы общественной жизни к ее совершенному и гармоничному устройству [8, т. V, с. 389]<sup>3</sup>.

Однако процесс эволюции далеко не бесконфликтен. Все новое и прогрессивное пробивает себе дорогу в борьбе с отжившим и сопротивляющимся старым. Это характерно как для царства природы, так и для человеческого общества. По мнению Чернышевского, таков «общий исторический закон: все хорошее настоящее приобретено борьбою и лишениями людей, готовивших его; и лучшее будущее готовится так же» [8, т. XII, с. 73].

<sup>3</sup> Понимание социализма как идеала общественного устройства сочетался во взглядах Чернышевского с убежденностью в том, что перспектива установления справедливых отношений между людьми значительно удалена во времени. Наряду с этим вполне закономерным ему представлялась и смена социалистической фазы развития более совершенной организацией общества, под которой понимался коммунизм. Коммунизм, по определению Чернышевского «берет за основание общественного устройства идеал более высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также весьма далекие времена, когда сделается возможным полное осуществление социализма» [8, т. IV, с. 831]

Но в социальной жизни длительный и постепенный процесс эволюции в значительной степени зависит и от тех средств, которые используются для осуществления прогрессивных начинаний. Мировая история, констатировал Чернышевский, была полна сведениями о кровавых завоеваниях, революционных потрясениях, политических переворотах, реформах; по своей сути они представляли собой варианты насильственных и ненасильственных способов преобразований. Их использование определялось в конечном итоге готовностью общества к назревшим изменениям и степенью сопротивления уже переживших свое время идей и порядков. Устаревшая форма общественного устройства чаще всего держится силой традиции, «...пока есть мнение, что она приносит благо; она падает, как скоро распространяется мнение, что она существует только ради самой себя, не заботясь об удовлетворении сильнейших интересов общества». Но для этого должна быть подготовлена почва. В сознании людей не сразу прочно закрепляется идея о бесплодности и вредности установившегося порядка. Но как только такая точка зрения получает широкое хождение, участь прежних «понятий и учреждений» — предрешена. Как писал Чернышевский, «факт существует только постоянной поддержкою от силы, которая произвела его. Чтобы он исчез, слишком много будет, если сила прямо обратится на его разрушение; довольно будет, если она перестанет поддерживать его, он сам собою падет...» [8, т.V, с. 8; т.VII; с. 648].

Итак, первое условие для установления новых общественных отношений — осознание необходимости преобразований и отказ в поддержке отжившего строя, который «...падает не силой своих врагов...», а в результате дряхлости собственных идей и институтов власти. Но отжившее старое не уходит без сопротивления, используя для этой цели все доступные средства — силу армии, репрессивный аппарат полиции и т.п. Бывает, что такими «крутыми мерами» удается одержать временную победу. Но конечный итог также закономерен, как и неотвратим — смерть старого общества [8, т.V, с. 8, 395–396].

Вся логика рассуждений Чернышевского свидетельствует о том, что наиболее приемлемым средством преобразований ему представлялось ненасильственное и постепенное накопление количественных изменений, которые в конечном итоге привели бы к качественному преобразованию существовавшего общества. Реформа — главное орудие прогресса, — так можно в целом охарактеризовать его представления об эволюционно-поступательном развитии цивилизации. Это, конечно, не означает, что Чернышевский отвергал революции как закономерный факт мировой истории. Свидетель революционных выступлений в Европе, он осознавал их значение и влияние на ход мировых событий. Но опыт конца XVIII–XIX вв. наглядно продемонстрировал, что, во-первых, политические перевороты не полностью разрешали накопившиеся проблемы и отнюдь не всегда приводили к установлению «порядка дел, сообразного с новыми потребностями общества»; во-вторых, революции — это и «безрассудные меры», и «кровавые восстания», и «уличные смуты». Цена «изменения гражданского быта» могла оказаться непомерно высокой и оплаченной жертвами ни в чем не повинных людей. Чернышевский задумывался над целесообразностью и правомочностью использования насильственных методов. Он предупреждал, что нельзя предаваться их идеализации. Рассудительному человеку требовалось, по его словам, очень много фактов и возникновения «совершенно особенных обстоятельств для пробуждения в нем ожиданий подобного события». Но «кто не хочет волновать народ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанные с возбуждением народных страстей, тот не должен и брать на себя ведение дела, поддержкой которого может служить только одушевление массы» [8, т.VI, с. 416, 19, 475, 418].

Проблема революции и реформы как проблема использования насильственных и ненасильственных средств преобразования общества приобретала у Чернышевского явно выраженный морально-этический звучание. В ее анализе он не шел по пути подчинения нравственности политике, не подыскивал аргументы для обоснования революционной



целесообразности. Ключ к решению этой задачи лежал, по его мнению, в рациональном постижении общественных законов и целенаправленном их использовании. А центральным вопросом становился вопрос о взаимодействии личности и масс в историческом процессе.

Роль народа в социальном прогрессе, по словам Чернышевского, огромна. Хотя он, по собственной оценке, и не принимал «...выше человеческой личности ...на земном шаре ничего» [8, т.V, с. 597], но в конечном итоге судьба человечества зависела не от гения, либо выдающегося государственного, политического деятеля, а от совокупных усилий «...людей простых и честных, темных и скромных...». Трудом народа создаются материальные блага, его умственное и нравственное развитие определяет общий уровень гуманности и цивилизованности общества [8, т.V, с. 176; т. III, с. 547; т. IX, с. 66].

Однако подавляющая масса населения «...привыкла жить рутиной, привыкла быть апатична, привыкла доверять господствующим над ней людям». Приверженность традиции, отсутствие «непоколебимых и ясных политических убеждений» неоднократно делали народ игрушкой в руках реакционеров, которые не обещали улучшений жизни, но защищали существовавший порядок, «...дающий массе насущный скудный хлеб ежедневным трудом...». Народ еще нем и темен, он не способен разумно и целенаправленно влиять на ход мировой истории. По словам Чернышевского, «...масса нации ни в одной еще стране не принимала деятельного, самостоятельного участия в истории» [8, т.VII, с. 155, 618; т.V, с. 44; т.VI, с. 370].

Для того, чтобы народ в полной мере осознал и проявил свои силы, необходимо силой просвещения пробудить в нем человеческое достоинство, развить природный ум, дать возможность реализовать его разнообразные и недюжинные способности. Чернышевский отводил роль внешнего побудительного толчка образованной части общества. Выдающиеся личности должны были стать наставниками и руководителями основной массы населения в усвоении главных ценностей цивилизации — науки и образования. «Великие люди едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо; умеют не терять дней, пока обстоятельства благоприятствуют делу», — писал Чернышевский по этому поводу [8, т.VI, с. 417].

Чем больше простого народа будет приобщено к культуре, чем более просвещенной станет основная масса населения, тем быстрее пойдет развитие общества, тем совершеннее станет его устройство. И все же этот процесс не обещал завершиться в скором будущем. Приобретение народом господствующего положения, как считал Чернышевский, — «...это ...история очень длинная» [8, т.IX, с. 833]. Подхлестывать эволюционное и постепенное движение по пути прогресса было крайне опасно.

В связи с этим Чернышевский рассматривал характер отношения отечественной интеллигенции и народа. Он был убежден в существовании пропасти, разделяющей образованное меньшинство и темную, непросвещенную массу. Большинство народа составляют «дюжинные люди», лишенные «внутренней инициативы» и руководствующиеся в своих поступках и образе мыслей «бессознательными и бесцельными побуждениями». Ждать от них решительных действий по преобразованию существующих порядков бесполезно. «Инициатива народной деятельности не в них, они ...только плывут, куда дует ветер. Но их изучение все-таки важно, потому что они составляют массу простонародья... Инициатива не от них; но должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива» [8, т.V, с. 598; т.VII, с. 884, 885, 863; т.V, с. 598; т.VII, с. 884, 885, 863].

Таким образом, первый шаг в сближении образованных и «дюжинных» — в понимании «народного сознания». Второй шаг — просвещение народа. Это «дело долгое и трудное», время его настанет, «...но не завтра и не послезавтра». Однако «образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу... Никаких особенных штук для этого не требуется: говорите с мужиком легко и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того,

кто в самом деле любит народ,— любит не на словах, а в душе». И, наконец, третий шаг — ликвидация русского азиатства. «Мы часто обвиняем азиатцев за их раболепство,— писал Чернышевский,— но что же им делать, когда закон у них... бессилён? Водворите у них законность, и вы увидите, что они сделаются такими же людьми, как мы, европейцы» [8, т.VII, с. 616, 889; т.V, с. 700].

Все три шага должны были привести Россию к тому же уровню цивилизации, который существует в Европе. По словам Чернышевского, «когда мы будем так же просвещены, как западные народы, только тогда... опыт и цивилизация Запада действительно будет получена нами в наследство; тогда мы станем также вести историческое дело вперед, но это еще далекое будущее, а пока долго еще наша забота должна состоять в том, чтобы догнать других» [8, т.VII, с. 616–617].

Просвещением догнать других,— так звучит основная задача российской интеллигенции в представлении Н.Г. Чернышевского. В этой формуле нет и намека на насильственные способы преобразования общественного строя. Длительный подготовительный период нужен стране, ранее погрязшей в азиатстве, чтобы овладеть достижениями цивилизации, просветить основную массу народа, а только затем двигаться вперед по пути прогресса. Напротив, решительные, но необдуманные действия могут привести к тому, что «...возбужденное чувство, не имея возможности устремиться к правильной цели, выразилось бы горячими действиями для достижения целей неправильных». Народу необходим надежный и верный поводырь, который мог бы подсказать правильный путь и повести по нему. В противном случае эту обязанность может возложить на себя «первый встречный плутоватый самодур», воспользовавшийся неумением народа рассуждать, его забитостью и темнотой. И чем плутоватей будет он, тем «...гуще повалит за ним толпа..., желающих прожить чужим умом и под чужой волей, хотя бы самодурной». Другая опасность коренилась в невежестве, предрассудках и слепой ненависти народа «...ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию» [8, т.VII, с. 882; т.X, с. 92].

Чернышевский боялся необдуманных и стихийных выступлений. О его заинтересованности в крестьянских движениях не говорит «ни один источник, кроме дневниковых записей до 1853 г. включительно... До того времени, когда крестьянство не станет образованным, просвещенным, его восстания будут представляться Чернышевскому лишь ««драматическими эпизодами» истории» [1, с. 42]<sup>4</sup>. Очень часто встречающиеся в исторической литературе ссылки на революционный пафос воззвания «К барским крестьянам» абсолютно необоснованны, поскольку до сих пор не обнаружено доказательств, что оно было написано Чернышевским. Опровергает утверждения о радикализме его позиции и конкретная программа преобразований, разработанная руководителем «Современника».

Главной задачей в жизни страны он считал освобождение крестьян с землей без выкупа. Действия правительства в конце 1850-х гг., направленные на отмену крепостного права, Чернышевский первоначально приветствовал как факты «всемирно-исторического значения». Но впоследствии, убедившись в непоследовательности, половинчатости решения крестьянского вопроса, неоднократно критиковал избранный вариант освобождения и призывал «для отклонения смут» изменить его основные положения [8, т.V, с. 65; т. X, с. 100].

Среди других неотложных мер Чернышевский особенно выделял ликвидацию «дурного управления», реформирование государственного аппарата и судебной власти. В целом пред-

4 Но и сами дневниковые записи в общем передают настроения молодого человека, готовящегося вступить в брак. Утверждения о том, что, если вспыхнет бунт, то он не сможет удержаться и его «...не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» больше напоминают браваду перед невестой, чем взвешенный анализ политической ситуации в стране [8, т.I, с. 419].



лагаемую им программу можно назвать программой демократизации России, программой привлечения наиболее активной и просвещенной части населения к деятельному участию в преобразовании страны. «Надобно сделать,— писал по этому поводу Чернышевский,— чтобы должностная деятельность перестала быть канцелярской тайной, чтобы все делалось открыто, перед глазами общества, и общество могло высказывать свое мнение о каждом официальном действии каждого должностного лица» [8, т.V, с. 707].

Благодаря свободе слова, печати, собраний можно было бы преодолеть инерционную силу бюрократии, придать новый импульс реформаторскому процессу. Власть, хотя и положила начало реформам, но, как оказалось, взяла «на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, не согласных с характером самой власти». В лучшем случае она могла только заштопать прорехи на потертом мундире российской государственности, в то время как все общество уже желало одеться в новое и современное платье демократии [8, т.X, с. 99, 96].

Конечная цель преобразовательного процесса виделась Чернышевскому в установлении конституционного порядка, когда власти закона подчинялось бы все население страны и им же определялись основные черты общественной и государственной деятельности: «...ответственность министров, вотирование бюджета, суд присяжных, свобода печати, уничтожение сословных привилегий, самоуправление по областям и общинным делам» [9, с. 309].

Но путь к такому устройству нелегок и тернист. «Вековые привычки исчезают нелегко и нескоро. Демократия не имеет такой волшебной силы, чтобы один звук этого слова мог перерождать нравы в несколько лет...». Установление конституционного порядка зависит от кропотливого труда, пропаганды «партии просвещенных людей», составляющих «мирную оппозицию» власти и требующих «...не октроирования конституции, а созыва депутатов для свободного ее составления». Действовать нужно крайне осторожно, чтобы не вызвать подозрительной настороженности властей и необузданного бунта уставшего ждать подлинной воли народа. На первых порах можно было ограничиться подготовкой общественного сознания к подаче адреса государю, затем — начать собирать подписи. И лишь когда «настанет срок», подготовленные требования будут представлены «...спокойно, торжественно, с непреодолимою силою, перед которою робко преклонится правительство» [8, т.V, с. 653; т.X, с. 97; 9, с. 313, 309, 312].

Чернышевского абсолютно не смущало, что обращаться придется к российскому императору, который навряд ли благосклонно отнесется к поднесенному адресу. Он был убежден — опасность национальной смуты заставит главу государства согласиться на введение конституции. Хотя династия и «...будет потом стараться взять назад свои уступки», но и «партия просвещенных людей» может изменить свои требования. Сам Чернышевский считал, что «...законность и нынешняя династия — вещи, которых нельзя соединить». Однако в тактических соображениях допускал возможность сохранения на определенный срок прежней системы правления, если «...нынешний государь откажется от произвола». В конечном результате, по его словам, «истинно конституционная монархия мало отличается от республики» [9, с. 312, 311].

Убежденность Чернышевского в необходимости ненасильственного реформирования России заставляла его неоднократно обращаться к Александру II с призывами силой власти и правительства, опирающихся «на свободную волю нации», совершить необходимые преобразования. В противном случае «Россия подвергнется страшному перевороту», и все достижения цивилизации будут уничтожены в огне крестьянского бунта. Ради спасения драгоценной для него идеи просвещения Чернышевский, по собственному определению, готов был пожертвовать своими убеждениями и пойти даже на предательство интересов народа [9, с. 314, 479]. Разрушение или прогресс — так можно определить еще один принцип взаимоотношения интеллигенции с основной массой населения.

Чернышевский в своей программе конкретных действий в первую очередь стремился преодолеть кризисное состояние России и призвать к активной деятельности просвещенное меньшинство страны. Отрицание и неприятие кровавых последствий радикализма в полный голос звучит со страниц его работ. Для недопущения возможного кровавого народного бунта Чернышевский напрямую обращается к царствующему монарху, призывая его путем последовательных реформ недопустить этого несчастья для страны.

Необходимые для прогрессивно-эволюционного развития страны силы он находил в среде молодого поколения. Сила будущих преобразований заключалась, по мысли Чернышевского в «новых людях», близких к народу, чутко относящихся к его настроению и способных оказать на него благотворное влияние. Таких личностей он находил во всех слоях населения: «... во всех ... сословиях... встречаются люди энергического ума и характера, способные обдумать данное положение, понимать данное сочетание обстоятельств, сознавать свои потребности, соображать способы их удовлетворения при данных обстоятельствах и действовать самостоятельно... Нельзя сомневаться в существовании таких людей» [8, т. VII, с. 887].

Чернышевский почувствовал и предугадал появление нового поколения интеллигенции — разночинцев, которые были вызваны к деятельной жизни происшедшими в стране изменениями, но одновременно определяли характер будущих изменений. В них он видел проводников идеи прогресса и наделял их качествами, которых не было у предшественников. Чернышевский подчеркивал в первую очередь такие ее качества, как рационализм и практичность, высокую мораль и готовность на самопожертвование.

В полной мере представления Чернышевского о развитии общества воплотилась в романе «Что делать?», который можно назвать квинтэссенцией его мировоззрения. Социалистический идеал был, пожалуй, наименее самостоятельной и легко уязвимой частью его литературного труда. Созданные в романе картины будущего были столь же утопичны и нереалистичны, как город солнца Т. Кампанеллы или фаланстеры Ш. Фурье. Дворцы из камня, алюминия и стекла, изображенные в четвертом сне Веры Павловны, даже своей архитектурной формой, внутренним убранством, продуманностью до мелочей быта прямо перекликались с давно высказанными фантастическими идеями. Счастливые и радостные их обитатели проходят неосознанными фантомами всеобщего благополучия. Рациональный труд с использованием технических средств превратил жизнь людей из напряженной борьбы за существование в удовольствие. Подчинившись воле и гению человека, сама природа сторицей платит за его преобразующее творчество обильными урожаями, обеспечивающими необходимыми продуктами питания. Улучшены и сами природные условия существования. Для достижения этого прекрасного и светлого будущего было необходимо совсем немного: «Нужно только быть рассудительным, уметь хорошо устроиться, узнать как выгоднее употреблять средства» [8, т. XI, с. 281].

Идеал Чернышевского при всей его внешней привлекательности может быть так и остался бы прекраснодушным мечтанием, отдаленным зыбким и недостижимым миражом, если бы не возвышенный призыв к созиданию будущего, прозвучавший со страниц «Что делать?»: «Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, сколько можете перенести...» [8, т. XI, с. 283–284]. В этих словах слышалась не только убежденность в неотвратимости социализма, но и обосновывалась деятельная практика личности. Хотя социализм и представлялся еще отдаленной перспективой, но определенные его элементы могли бы реализованы уже и в современной жизни.

Элементы разумного устройства могли воплотиться в деятельности артельных мастерских, создаваемых на коллективистских началах совместного труда. Чернышевский считал, что сознательная работа на себя, концентрация денежных средств, экономное и продуманное их использование позволят уже в настоящем добиться удешевления производства, сделают его более эффективным. В итоге это обеспечит благосостояние производителей и более

выгодное употребление дохода. По своему характеру «экономические расчеты» преимуществ мастерских Веры Павловны антикапиталистичны. Они абсолютно не учитывают конъюнктуры рынка, конкуренции и других моментов, связанных с производством и реализацией продукции. Моральной ответственности трудящихся друг перед другом, совместной заинтересованности в результатах труда явно недостаточно для победы над математически выверенной, рационально организованной и машинно-бездушной рыночной системой. Представления Чернышевского в этом вопросе были не более чем неудачной попыткой совмещения социалистических идеалов с неприятием эксплуатации человека человеком, необходимостью установления новых, пока еще непонятых, отношений труда и капитала.

Наиболее емко и осязаемо в романе была представлена точка зрения на роль и значение личности в мировой истории. Изображенные в «Что делать?» новые люди символизировали собой смену поколений и появление индивидуумов, способных не на единичный поступок, а на подчинение своей жизни единой выбранной цели. В них отсутствовали романтизм и экзальтированность, фантазия и бездействие людей 1830-1840-х гг., способных на душевный порыв, на минутное и яркое сопротивление внешним обстоятельствам, но и также быстро разочаровывавшихся в своих мечтах и подчинявшихся окружающей среде. Новое поколение было наделено, по мысли Чернышевского, холодной практичностью, ровной и расчетливой деятельностью, деятельной рассудительностью. Их честность граничила с расчетом. Расчет, осознанным, понятым как общее благо, как закон счастливой жизни. Этот закон обращался к принципиальным интересам человеческой природы, а не ежеминутным стремлениям, больше похожим на капризы или увлечения. Для нового типа людей осознание собственной выгоды, собственной пользы было неотделимо от выгоды общественной: нельзя быть счастливым, причиняя горе окружающим, нельзя строить собственное благополучие на унижении и подчинении других.

Чернышевский переводил на литературный язык теоретическую формулу совмещения индивидуальных потребностей человека с общественными интересами. Разумный эгоизм новых людей включал в себя, наряду с этим, и понимание смены поколений как закономерности в последовательном накоплении полезных качеств, требуемых обществу. Время требовало таких людей. Вооруженные силой разумного эгоизма, они своими поступками, поведением, образом жизни нарушали привычные нормы. На них шикали, их осмеивали, их ...боялись. Говоря о новых людях, Чернышевский одновременно и создавал их образ. Сошедшие со страниц «Что делать?» Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна показали, какими надо быть в жизни. Грязь торгашества, необразованность и ограниченность мещанства, разврат и роскошь аристократии, коррумпированность и подлость чиновничества побуждали читателя отречься от современного общества. Романтически возвышенное восхваление этих чистых бескорыстных натур привлекало внимание юношества, заставляло признавать чистоту морального императива людьми среднего поколения и вызывало ворчливое недовольство манерой их поведения у стариков.

Но, создавая тип новых людей, Чернышевский не рассчитывал на его долгое существование в качестве эталона. Он обязан исчезнуть «...вместе с своим ...временем. Его недавняя жизнь обречена и недолгой жизнью» [8, т. XI, с. 145]. Эти люди как предвестники и предтечи будущего несут с собою задатки и зачатки нового мироустройства. И если они не разбудят духовных сил общества, то, по крайней мере, подадут пример, укажут направление, чтобы затем сойти со сцены истории под немногочисленные аплодисменты галерки и громкое шиканье партера и лож. Их роль будет сыграна с достоинством и честью, они выполнят свою обязанность перед людьми и «...после них все-таки будет лучше, чем до них», хотя общество и человек не претерпят коренного изменения. Потребуется приход нового поколения личностей, и это будет продолжаться до тех пор, пока «...не будет этого отдельного типа...», а он «станет общею натурой людей» [8, т. XI, с. 145].

Сила личностей, нарисованных Чернышевским, в их искренности и цельности, это — просто порядочные люди, заслуживающие любви и уважения. В них нет ничего героического, просто они живут по другим законам, отличным от законов обывателя, сидящего в «преисподней трущобе». Но если такие люди появляются в эпохи лжи и гнусности, то при правильном общественном устройстве они станут не исключением, а правилом. Ведь даже дурной человек, попадающий в совершенно новую благотворную обстановку, превращается в полезного и нужного члена общества. Для этого требуется лишь постепенное изменение условий его существования.

Эволюционный закон нарастания получал осязаемые контуры и реальное воплощение в литературных портретах новых людей. Роман «Что делать?» перерастал рамки обычного художественного произведения и становился средством влияния на широкую общественную аудиторию. Но Чернышевский не ограничивался только пропагандой рационального образа жизни и целенаправленной деятельности новых людей. В его произведении появился персонаж, символизировавший собой революцию и революционеров — Рахметов. Он явно противопоставлялся новым людям, которые слишком погружены в свою личную жизнь. Они способны только увеличивать общее количество полезных знаний и своим примером влиять на постепенную эволюцию общества. Но для решительных действий требуются особенные люди, экземпляры «очень редкой породы» [8, т. XI, с. 210], лишенные внутренних недостатков, «самоломанные», сознательно идущие на лишения и невзгоды. Недоужинность их характера, обширность и глубина знаний ставят перед ними задачи, которые могут быть разрешены только подвижничеством и самоотречением. Немногие способны на это, но от них зависит многое.

Рахметов вылеплен именно из такого теста. Новые люди побаиваются его критического ума, силы воли, безапелляционности суждений. Да и сам автор романа относится к нему с большим уважением, считая особенных людей двигателями двигателей, солью соли земли. Однако наряду с этим Чернышевский постоянно проводит мысль о том, что революционеры необходимы, но опасны<sup>5</sup>. Не разделяет Чернышевский и радикализма революционеров. Характерен в этом отношении разговор автора с Рахметовым, приведенный на страницах романа: «Мы потолковали с полчаса; о чем говорили, это все равно; довольно того, что он говорил: «надобно», я говорил: «нет»; он говорил: «вы обязаны», я говорил: «нисколько»». И хотя несколькими строками ниже Чернышевский и прибавлял, что он лукавил и говорил Рахметову «не то, что думал» [8, т. XI, с. 205], это не может быть свидетельством общности позиции автора и его героя.

Пожалуй, единственное совпадение их взглядов наблюдалось в убеждении, что для руководства народными массами требуется знать их потребности, нужды, образ мышления. Другими словами — понять народ и сблизиться с ним. Дистанцируясь от наиболее радикальных заявлений Рахметова, Чернышевский своей авторской волей покинул одного из героев романа за изучением интересов и настроений русского мужика, подчеркивая тем самым значимость наиболее разумного и взвешенного варианта приложения сил передовой отечественной интеллигенции.

Несмотря на то, что по замыслам главными персонажами «Что делать?» были, без всякого сомнения, новые люди, воспитывающая сила Рахметова оказалась более значительной и настолько велика, что не одно поколение молодежи было «перепажено», как и Ленин, этим произведением. Произошла своеобразная инверсия представлений автора и читателей. Чернышевский сознательно разработал модель нового человека, которую считал необходимой для России. Но не менее важно — в чем его субъективные представления совпали с умонастроениями значительного слоя нарождавшейся интеллигенции, а в чем

5 Пожалуй, первым в исторической литературе обратил на это внимание К. С. Ингерфлом [4, с. 81].

разошлись. Смена ориентиров в науке и культуре конца 1850 — начала 1860-х гг. происходила одновременно с появлением поколения молодежи, готовой воплотить новые идеи в своей практике. Разночинцы не менее самого Чернышевского были вдохновлены открытиями естественных наук, наступлением эпохи позитивизма и утилитаризма. В этих условиях литературный образ становился образцом для подражания, а его автор наделялся ореолом пророка и духовного наставника. Парадоксальность ситуации как раз в том и заключалась, что «дешифровка» романа сделала наиболее популярной фигуру Рахметова, а имя Чернышевского стало символизировать и социальный протест, и программу деятельности, и моральный устав. Но если утопичность планов преобразования общества вскоре стала очевидной, то мифологизированный идеал писателя как учителя и вождя радикально настроенной части общества прочно вошел в сознание российской интеллигенции. И хотя оценки идейного наследия «коновода» разночинцев были различны, нравственное величие его подвига признавалось подавляющим большинством интеллектуальной элиты<sup>6</sup>.

Ф.М. Достоевский оказался среди принципиальных, последовательных и непримиримых критиков романа Чернышевского. Неприятие литературного творения его оппонента коренились отнюдь не в художественных особенностях романа. О них было говорить достаточно сложно, поскольку роман «Что делать?» в этом отношении был откровенно слаб. Суть вопроса заключалась в другом.

В «Записках из подполья» Достоевский откровенно и неприкрыто противопоставлял собственное видение мира той картине, которая была создана Чернышевским. Оптимизм и вера в общественный прогресс, выстроенные на просветительской парадигме сталкиваются с гнетущей повседневностью обычного человека.

С самого начала повести Достоевский подчеркивал тот факт, что речь пойдет о лице, которое не только может, но и обязано существовать. По его словам, он собирался «вывести повиднее» именно обыкновенный тип человека, «...один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения» [3, т. 2, с. 400]. Таким образом, в отличие от Чернышевского изначально акцент делался не на отдельных представителях будущего общества, а на конкретной и многочисленной группе лиц, наделенных всеми особенностями и недостатками настоящего. Таким образом, утопии Чернышевского противостояла реальность, в которой, увы, было мало привлекательности, как малопривлекателен был и герой повествования.

Вернее, его правильнее назвать антигероем, что и делал сам Достоевский, отмечавший, что «...тут нарочно собраны все черты для антигероя...» [3, т. 2, с. 503]. По поводу этого замечания Достоевского следует отметить, что он использовал в «Записках из подполья» характерный для своего творчества прием, когда повествование велось от имени главного персонажа и в результате будто бы стиралась грань между ним и автором. Отделить его собственные идеи от мировоззрения создателя литературного произведения было достаточно сложно. Однако «человек из подполья» не является двойником Достоевского. Напро-

6 Общеизвестно коленопреклоненное отношение к Чернышевскому революционеров-семидесятников и последующих поколений радикалов. Но и люди, отрицательно относившиеся к его взглядам, считали своих долгом подчеркнуть высоту его морального облика. По свидетельству современницы, В.С. Соловьев, видя теоретические заблуждения Чернышевского, находил, что «...нравственное качество его души оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека...» [7, с. 379]. Не менее красноречиво и признание Н.А. Бердяева: «...необходимо отметить нравственный характер Чернышевского. Такие люди оставляют нравственный капитал, которым в последствии будут пользоваться менее достойные люди. По личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости» [2, с. 108]. Даже В.В. Набоков, давший в романе «Дар» весьма ироничный портрет «главы радикальной партии России», признавал, что «...такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным порядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие меньшим, стоили тем самым меньше этих железных забияк» [5, с. 198].

тив, он становился в некоторых случаях средством для передачи некоторые его мыслей, а в некоторых — объектом критики и порицания.

Итак, «человек из подполья», согласно его же признанию, не сделался «...не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [3, т. 2, с. 402]. Другими словами, был он обывателем, просто живущим, просто существующим, не ставящим перед собой каких-то высоких (или, наоборот, низменных) целей. Действительно, не герой и не злодей. Дожив до сорока лет, в лучшем случае он намеревается прожить долгую жизнь. Впрочем, и в этом также не видя своей главной задачи.

Мало того, он гордится своей ординарностью, видя в ней доказательства ума и знания философии человеческого существования: «...человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель — существом по преимуществу ограниченным» [3, т. 2, с. 402]. Самооправдание пессимиста, индивидуалиста и циника, разочаровавшегося во всевозможных идеях, скорее всего, привлекавших его внимание двадцать лет назад, в юношескую пору. По крайней мере на это указывает знание основным персонажем повествования и теории прогресса, и просветительских настроений, против которых теперь «человек из подполья» усиленно выступает, отрицает и порицает. Он не верит в силу разума, науки и знания, благодаря успехам которых человек не только станет царем природы, но и — цивилизованнее, культурнее, добьется усовершенствования общественного устройства, улучшения самого человека, человеческого рода в целом. Как утверждал со злой иронией «человек из подполья», стоит открыть законы природы, «...и уж за поступки свои человек отвечать не будети жить ему будет чрезвычайно легко» [3, т. 2, с. 418].

Вполне резонно герой повести ставит вопрос: что же оказалось на практике? И сам отвечает на него, предварительно обрушивая на читателя каскад обвинений: «Замечали вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которым все эти разные Атиллы да Стеньки Разины в подметки не годились, и, если они не так ярко бросаются в глаза, как Атилла и Стенька Разин, так это именно потому, что они слишком часто встречаются, слишком обыкновенны, примелькались». Его заключительная тирада не допускала двусмысленного толкования: «По крайней мере от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже наверное хуже, гаже кровожаден, чем прежде» [3, т. 2, с. 417].

Не удовлетворяло «человека из подполья» и бытовавшее мнение о том, что найдена причина ненормального обустройства существования людей, которая якобы состоит в нарушении справедливости, а устрани ее — «...настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже собственно потому вычисленные с математической точностью, так, что в один миг исчезнут всевозможные вопросы собственно потому, что на них получатся всевозможные ответы» [3, т. 2, с. 418].

Словами своего героя Достоевский свидетельствовал о своем большом сомнении в правильности не только просветительской идеи бесконечного и вечного прогресса человечества, в котором конкретному индивидуума предназначена «исчисленная» и предугаданная строго определенная функция деятельности. Он выступает и против не менее всеобъемлющей и провиденциальной задачи построения светлого будущего, некоего хрустального Дворца, о котором писал Чернышевский. По его мысли, будет в этом обществе «ужасно скучно», и, пожалуй, наступит такой момент, когда найдется человек, который захочет разрушить этот логарифмически выстроенный мир, чтобы «...опять по своей глупой воле пожить» [3, т. 2, с. 418]. Антитеологичность и антисоциалистичность воззрений «человека из подполья» основывается на убеждении в том, что человек по своей природе отнюдь не добр и мудр, а зол и глуп, преследует в связи с этим отнюдь не благие цели. А раз это так, то «человеку



надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [3, т. 2, с. 419].

Не говоря уже о том, что такая позиция напрочь перечеркивала получившую широкое распространение среди разночинской молодежи теорию разумного эгоизма Чернышевского, она перемещала проблему общественного существования и развития человека и человечества из сферы социальной в сферу морально-этическую. В первую очередь Достоевский отрицал идею Чернышевского о необходимости изменения общества для изменения условий существования человека. Вполне резонно он полагал, что для достижения кажущихся такими благими целей может человек пуститься во все тяжкие. И в результате это окажется страшным для него самого и для окружающих его людей. В том случае, когда требуемых для него средств преобразований будет недостаточно, и он «...выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем! Проклятие пустит по свету, а так как проклинать может только один человек (это уж его привилегия, главным образом отличающая его от животных), так ведь он, пожалуй, одним проклятием достигнет своего, то есть действительно убедится, что он человек, а не фортепьянная клавиша» [3, т. 2, с. 423].

В этих словах звучат и грозные раскаты революционных потрясений прошлого, и пророчества появления революционного тирана, руководимого убеждениями в собственной исключительности, отрицающего законы человеческого общежития, однозначно решившего для себя дилемму, сформулированную позднее Достоевским: «тварь я дрожащая или право имею?». Достоевский, как и «человек из подполья», — безусловный и яростный противник радикализма, который представляется несомненным врагом существования человека, и в своем непреклонной враждебности насильственного преобразования общества он отрицает как хрустальную мечту социализма Чернышевского, так и в саму возможность постепенного изменения, перевоспитания человека.

Конечно, было бы существенным преувеличением ассоциировать позицию Достоевского с взглядами антигероя его произведения, но в данном случае просматриваются явные и очевидные параллели. Достоевский вопросами «человека из подполья» выявлял слабые стороны, присущие казавшейся столь привлекательной социальной конструкции Чернышевского. Он сомневался как в конечной цели социальной эволюции, так и в умеренных рецептах ее реализации, сторонником которой был его оппонент. «Вот вы, например, человека от старых привычек хотите отучить и волю его исправить, сообразно с требованиями науки и здравого смысла, — писал Достоевский. — Но почему вы знаете, что человек не только можно, но и нужно так переделывать? Из чего вы заключаете, что хотенью человеческому так необходимо надо исправиться?» [3, т. 2, с. 424].

Такая постановка проблемы важна и потому, что, хотя человек и есть существо созидющее, но это совершенно не означает, что все созидаемое им является разумным и полезным. Да и сам человек, «...подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель» [3, т. 2, с. 425]. К тому же для того, чтобы его переделать, необходимо было прельстить чем-то другим, дать другой идеал. «Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду», — писал «человек из подполья». Однако подобное действие сопряжено со стиранием естества человека, с неведомыми и отнюдь не только положительными изменениями. И это заставляло антигероя делать неутешительный вывод о том, что «...нашего брата подпольного нужно в узде держать», и «...лучше ничего не делать. Лучше сознательная инерция!» [3, т. 2, с. 427, 428].

Однако с этим утверждением героя повести Достоевский не мог согласиться. Его убеждение основывалось на твердой вере в то, что «...без чистого сердца — полного, правильного сознания не будет» [3, т. 2, с. 429–430].

Другими словами, Достоевский был убежден в необходимости пробудить в человеке любовь, сочувствие, сострадание, — именно те качества, которых был лишен основной

персонаж его повести. Он тем самым окончательно отделял себя от выдуманной фигуры, будто сотканной из индивидуализма и эгоизма, живущей не «живой жизнью». Другую жизнь и чистую душу, способную на самопожертвование во имя другого, Достоевский находил в образе девушки Лизы, которую «человек из подполья» оскорбил и унизил едва ли не двадцать лет назад. Да только воспоминание о содеянном было настолько острым, что даже спустя столько лет он из этого случая делал всеохватные обобщения: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся,— человеками с настоящим, собственным телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [3, т. 2, с. 504].

**ВЫВОДЫ.** Итак, роман Чернышевского «Что делать?», безусловно, принадлежит к категории литературной утопии, в которой резкая и безжалостная критика современности сочетается с созданным идеалом будущего, идеалом, воплощенным в достаточно стройную и в то же время умозрительную систему взглядов. Сила этой системы заключалась в том, что она была способна при попытках ее реализации поколебать или взорвать существовавший порядок вещей. Особенностью утопии Чернышевского является то, что наряду с созданием образа будущего автор придерживался идеи постепенного реформационного преобразования общества. Будучи противником революционного радикализма, он настаивал на преемственности положительных элементов разных эпох социального прогресса и на постепенной замене плохих общественных отношений хорошими. Он пытался найти зародыши этого общества в настоящем. Опираясь на собственную теорию разумного эгоизма, он видел предвестников этого будущего в «новых людях», которые приходили на смену современных людей.

Классификация утопий Е. Шацкого позволяет отнести роман Чернышевского к категории героических утопий, в которых мечты о будущем сочетаются с программой и призывами к действию, но действию по созданию резерватов добра внутри плохого общества. Это так называемая утопия ордена, объединяющая единомышленников, друзей. «Орден не изменяет мира — он создает в нем остров» [10, с. 53–54, 57, 58]. Но одновременно с этим «утопия ордена — это сотворение общественного мира заново», снизу, когда «...из общественного окружения выделяется группа людей, связанных ценностями, для которых в нем нет места. Так возникает государство в государстве, общество в обществе, во многих отношениях противостоящее себя действительности, из которой оно выросло» [10, с. 122, 125].

По способу своей практики утопия ордена отличается от героических утопий, нацеленных на замену плохого общества хорошим (так называемая «утопий политики»). С ними, как подчеркивает Шацкий, связаны нравственные проблемы. «Если другие типы утопии позволяют сохранить «чистые руки», то здесь их нельзя не запачкать. Утопист-политик... принимает участие в игре, правила которой установлены без него... Чтобы уничтожить существующий мир, он должен так или иначе участвовать в нем. Отсюда известные парадоксы утопической политики: террор применяемый из любви к людям и ненависти к насилию, войны, ведущиеся во имя мира без войн, ложь, должествующая расчистить путь в царство Истины. Утопия политики, таким образом, находится в одном шаге от самоуничтожения и, безусловно, в любом из своих воплощений оказывается самой недолговечной. Но именно через нее утопия сближается с реальной историей» [10, с. 59].

В своей мощной и (это следует признать) в некоторых аспектах совершенно справедливой критике утопических воззрений Чернышевского Достоевский главный удар направлял на крайности возможного радикального прочтения звучавших со страниц романа призывов и пророчеств. Но великий писатель будто не замечал, что позиция самого автора была далека от революционной вседозволенности и отрицания морально-этических принципов существования человеческого общества. Суммируя выдвигаемые им инвективы, можно сказать, что главный порок социальной утопии Чернышевского он находил в ложности его понимания сущности человека и его предназначения, призвание которого состоит

не в достижении некоего эфемерного идеала, а в простом человеческом счастье и само-совершенствовании. Эта ошибка неминуемо должна была сказаться на недооценке сложности общественной жизни, которая в свою очередь приводила к оправданию насилия по отношению к другим людям. Полемика (открытая и скрытая) воплощалась в создании антиутопии, безусловно, консервативной по своей сути. Но она была сильна только своей критической составляющей, его созидаящая часть не давала ответов на вызовы времени. Но самая главная причина состоит в том, что консерватизм, как, впрочем, и всякий культ стихийности, наделен неистребимой верой в то, что «...действительность порождает идеал сама из себя и сама же к нему стремится» [10, с. 45].

### ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г. Чернышевского. М.: МГПИ, 1983. 86 с.
2. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1971. 117 с.
3. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в двенадцати томах. М.: Правда, 1982. Т. 2. С. 400–504.
4. Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М.: Ипол, 1993 (1994). 288 с.
5. Набоков В. Дар. М.: Правда, 1990. 217 с.
6. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
7. Пыпина-Ляцкая П.А. Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка воспоминаний // Соловьев В. Неподвижно лишь солнце любви... М.: Московский рабочий, 1990. С. 368–382.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16-ти т. М.: Гослитиздат, 1939–1953.
9. Чернышевский Н.Г. Письма без адреса // Письма без адреса. М.: Современник, 1983. С. 477–511.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 454 с.

### REFERENCES

1. Antonov V.F. *Istoricheskaya koncepciya N.G. Chernyshevskogo* [The historical concept of N.G. Chernyshevsky]. M.: MGPI, 1983. 86 s. (In Russian).
2. Berdyayev N. *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i natchala XX veka* [The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century]. Paris: YMCA-PRESS, 1971. 117 s. (In Russian).
3. Dostoevskiy F.M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the underground] // Dostoevskiy F.M. *Sobr.sotch. v dvenadtsati tomakh*. M.: Pravda, 1982. T. 2. S.400–504. (In Russian).
4. Ingerflom K.S. *Nesostoyavcheysya grajdanin. Russkie korni leninizma* [A failed citizen. The Russian roots of Leninism]. M.: Ipol., 1993 (1994). 288 s. (In Russian).
5. Nabokov V. *Dar* [Gift]. M.: Pravda, 1990. 217 s. (In Russian).
6. Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy — tchelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky — a man of the era of realism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 1996. 207 s. (In Russian).
7. Pypina-Lyatskaya P.A. *Vladimir Sergeevitch Soloviev. Stranitchka vospominaniy* // Soloviev V. *Nepodvijnno lichsolntselubvi...* [Vladimir Sergeevich Solovyov. Page of memories // Solovyov V. Only the sun of love is motionless...]. M.: Moskovskiyrabotchiy, 1990. S.368–382. (In Russian).
8. Chernyshevskiy N.G. *Polnoe sobranie sotchineniy: V 16-ti t.* [The complete works: In 16 vols]. M.: Gospolitizdat, 1939–1953. (In Russian).
9. Chernyshevskiy N.G. *Pisma bez adresa* [Letters without an address] // *Pisma bez adresa*. M.: Sovremennik, 1983. S.477–511. (In Russian).
10. Shatskiy E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. M.: Progress, 1990. 454 s. (In Russian).